

84(2=441.2)6-4
Г 71
БА-372 733

Максим Горький

МАТЬ

84(2=411.2)6-4
Г 71

Максим Горький

МАТЬ

Повесть

*Посвящается 150-летию
со дня рождения А. М. Горького*

Рисунки Кукрыникова
(народные художники СССР Михаил Куприянов,
Порфирий Крылов и Николай Соколов)

БА - 372 733

Государственная библиотека
участие, ул. Г.
Республиканская библиотека им. Н. К. Кочкарой

Часть первая

I

Каждый день над рабочей слободкой, в дымном, масляном воздухе, дрожал и ревел фабричный гу-док, и, послушные зову, из маленьких серых домов выбегали на улицу, точно испуганные тараканы, угрюмые люди, не успевшие освежить сном свои мускулы. В холодном сумраке они шли по немощеной улице к высоким каменным клеткам фабрики; она с равнодушной уверенностью ждала их, освещая грязную дорогу десятками жирных квадратных глаз. Грязь чмокала под ногами. Раздавались хриплые восклицания сонных голосов, грубая ругань зло рвала воздух, а встречу людям плыли иные звуки — тяжелая возня машин, ворчание пара. Угрюмо и строго маячили высокие черные трубы, поднимаясь над слободкой, как толстые палки.

Вечером, когда садилось солнце, и на стеклах домов устало блестя его красные лучи, — фабрика выкидывала людей из своих каменных недр, словно отработанный шлак, и они снова шли по улицам, закопченные, с черными лицами, распространив в воздухе лишний запах машинного масла, блестя голодными зубами. Теперь в их голосах звучало оживление, и даже радость, — на сегодня кончилась каторга труда, дома ждал ужин и отдых.

День проглотен фабрикой, машины высосали из мускулов людей столько силы, сколько им было нужно. День бесследно вычеркнут из жизни, человек сделал еще шаг к своей могиле, но он видел близко перед собой наслаждение отдыха, радости дымного кабака и — был доволен.

По праздникам спали часов до десяти, потом люди солидные и женатые одевались в свое лучшее платье и шли слушать обедню, попутно ругая молодежь за ее равнодушие к церкви. Из церкви возвращались домой, ели пироги и снова ложились спать — до вечера.

Усталость, накопленная годами, лишала людей аппетита, и для того, чтобы есть, много пили, раздражая желудок острыми ожогами водки. Вечером лениво гуляли по улицам, и тот, кто имел галоши, надевал их, если даже было сухо, а имея дождевой зонтик, носил его с собой, хотя бы светило солнце.

Встречаясь друг с другом, говорили о фабрике, о машинах, ругали мастеров, — говорили и думали только о том, что связано с работой. Одинокие искры неумелой, бессильной мысли едва мерцали в скучном однообразии дней. Возвращаясь домой, ссорились с женами и часто били их, не щадя кулаков: Молодежь сидела в трактирах или устраивала вечеринки друг у друга, играла на гармониках, пела похабные, некрасивые песни, танцевала, сквернословила и шла. Истомленные трудом люди пьянели быстро, во всех грудях пробуждалось непонятное, болезненное раздражение. Оно требовало выхода. И, цепко хватаясь за каждую возможность разрядить это тревожное чувство, люди из-за пустяков бросались друг на друга с озлоблением зверей. Возникали кровавые драки. Порою они кончались тяжкими увечьями, изредка — убийством.

В отношениях людей всего больше было чувства подстерегающей злобы, оно было такое же застарелое, как и неизлечимая усталость мускулов. Люди рождались с этой болезнью души, наследуя ее от отцов, и она черною тенью сопровождала их до могилы, побуждая в течение жизни к ряду поступков, отвратительных своей бессельной жестокостью.

По праздникам молодежь являлась домой поздно ночью в разорванной одежде, в грязи и пыли, с разбитыми лицами, злорадно хвастаясь нанесенными товарищам ударами, или оскорбленная, в гневе или слезах обиды, пьяная и жалкая, несчастная и противная. Иногда парней приводили домой матери, отцы. Они отыскивали их где-нибудь под забором на улице или в кабаках бесчувственно пьяными,

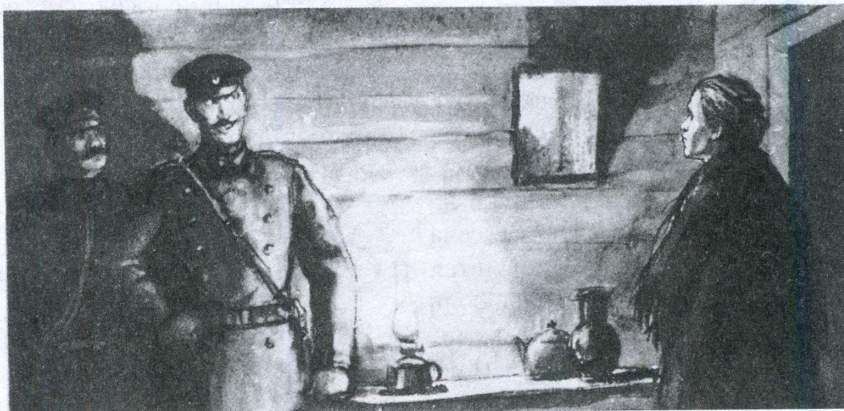

Часть вторая

I

Остаток дня прошел в пестром тумане воспоминаний, в тяжелой усталости, туго обнявшей тело и душу. Серым пятном прыгал маленький офицерик, светилось бронзовое лицо Павла, улыбались глаза Андрея.

Она ходила по комнате, садилась у окна, смотрела на улицу, снова ходила, поднимая бровь, вздрагивая, оглядываясь, и, без мысли, искала чего-то. Пила воду, не утоляя жажды, и не могла залить в груди жгучего тления тоски и обиды. День был перерублен, — в его начале было — содержание, а теперь все вытекло из него, перед нею простерлась унылая пустошь, и колыхался недоуменный вопрос:

«Что же теперь?..»

Пришла Корсунова. Она размахивала руками, кричала, плакала и восторгалась, топала ногами, что-то предлагала и обещала, грозила кому-то. Все это не трогало мать.

— Ага! — слышала она крикливый голос Марьи. — Задели-таки народ! Встала фабрика-то, — вся встала!

— Да, да! — говорила тихо мать, качая головой, а глаза ее неподвижно разглядывали то, что уже стало прошлым, ушло от нее вместе с Андреем и Павлом. Плакать она не могла, — сердце сжалось, высохло, губы тоже высохли, и во рту не хватало влаги. Тряслись руки, на спине мелкой дрожью вздрагивала кожа.

Вечером пришли жандармы. Она встретила их без удивления, без страха. Вошли они шумно, и было в них что-то веселое, довольное. Желтолицый офицер говорил, обнажая зубы:

— Ну-с, как поживаете? Третий раз встречаемся мы, а? Она молчала, проводя по губам сухим язы-

ком. Офицер говорил много, поучительно, она чувствовала, что ему приятно говорить. Но его слова не доходили до нее, не мешали ей. Только когда он сказал: «Ты сама виновата, матушка, если не умела внушить сыну уважения к богу и царю...», она, стоя у двери и не глядя на него, глухо ответила:

— Да, нам судьи — дети. Они осудят по правде за то, что бросаем мы их на пути таком.

— Что? — крикнул офицер. — Громче!

— Я говорю: судьи — дети! — повторила она, вздыхая. Тогда он заговорил о чем-то быстро и сердито, но слова его вились вокруг, не задевая мать.

В понятых была Марья Корсунова. Она стояла рядом с матерью, но не смотрела на нее, и, когда офицер обращался к ней с каким-нибудь вопросом, она, торопливо и низко кланяясь ему, однообразно отвечала:

— Не знаю, ваше благородие! Женщина я необразованная, занимаюсь торговлей, по глупости моей, ничего не знаю...

— Ну, молчи! — приказывал офицер, шевеля усами. Она кланялась и, незаметно показывая ему кукиш, шептала матери:

— На-ко, выкуси!

Ей приказали обыскать Власову. Она замигала глазами, вытаращила их на офицера и испуганно сказала:

— Ваше благородие, не умею я этого!

Он топнул ногой, закричал. Марья опустила глаза и тихо попросила мать:

— Что же, — расстегнись, Пелагея Ниловна... Ошаривая и ощупывая ее платье, она, с лицом, налитым кровью, шептала:

— Ах, собаки, а?

— Ты что-то говоришь там? — сурово крикнул офицер, заглядывая в угол, где она обыскивала.

Конец ознакомленного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного издания невозможно в связи

с ограничениями

по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной

универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу: г.

Оренбург, ул. Советская, 20; тел.: для справок (3532) 61-60-30